

ОГНИ КУЗБАССА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ —
ОРГАН КЕМЕРОВСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР

В НОМЕРЕ

ПРОЗА

Владимир Мазаев . Арестантский удар. Рассказ.	3
Екатерина Дубро . Осенняя сказка.	25
Николай Толкачев . Волосы Вероники Дроздовой. На- учно-фантастический рассказ.	49

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ОБЛАСТНОГО СЕМИНАРА

МОЛОДЫХ ЛИТЕРАТОРОВ

Татьяна Белокурова. Стихи о маме. О любви и долге. «Живу на селе...» Стихи.	Н
Андрей Правда . «Июль...» Вечер. Старая пластинка. «Славный день!» Стихи.	15
Сергей Подгорнов . «Холодный свет дотронулся несмело... «Я шел дорогой через лес...», «Темнело...», же — из земли сырой...». Стихи.	16
Геннадий Шемелин . «Давно я не был в «Коммунаре»...», Металлург. «Он страшен был...», «Люблю я зимнее ка- танье...». Стихи.	17
Дмитрий Клестов . Старый плотник. Какое счастье — ма- тужка жива. Кержаки. Стихи.	18
Валерий Костин . Жужелица. Рассказ.	19

ПОЭЗИЯ

Александр Катков . «Концентрат и краюха хлеба...», «Ты встал пред богом за мои грехи...», Васена, «Я вернулся в претенье отповского сада...».	23
Тамара Страхова . «Отрази меня, жизнь», «Мыла жен- щина окна в доме...».	47
Сергей Лобокин . «Я эту землю подлюбил...», «Полово- дые на Томи. Гроза.	48

НАШ СОВРЕМЕННИК

Владимир Куропатов . Седьмое чудо.	55
ВНИМАНИЕ: ПРОБЛЕМА!	
Николай Кузнецов . Земля займы, земля без отдачи.	61
Василий Попок . Казанковская хроника.	68

ПАМЯТЬ СИБИРИ

Любовь Никонова . Кузнецкий венец.	73
---	----

ИСКУССТВО

Александр Казаркин . «Чувство первичности». (К 70-ле- тию Василия Федорова).	80
Зоя Естамонова . Корни.	84

ПОЛЮСА СМЕХА

Борис Кобзарь . Престижная профессия. (Монолог в оче- реди). Идеал.	88
---	----

Редактор

Б. ЯНОВ

Редакционная коллегия:

Серген ДОМБАЙ

Геннадий ЕМЕЛЬЯНОВ

Валерий ЗУБАРЕВ

Владимир ИВАНОВ

Николай КОЛМОГОРОВ

Владимир КУРОПАТОВ

Владимир МАЗАЕВ

Владимир МАТВЕЕВ

Валентин МАХАЛОВ

(отв. секретарь)

Зинаида ЧИГАРЕВА

Геннадий ЮРОВ

Кемеровское
книжное

издательство
1988

Любовь Никонова

КУЗНЕЦКИЙ ВЕНЕЦ

1. «КРИТИЧЕСКИЙ МОМЕНТ
ВСЕЙ ЖИЗНИ» ДОСТОЕВСКОГО

В январе 1854 года истек срок каторги государственного преступника, бывшего петрашевца Федора Достоевского, находившегося «в работе» в Омском остроге.

На основании «высочайшей воли» Достоевский был зачислен рядовым в 7-й Сибирский линейный батальон, квартировавший в Семипалатинске.

Началась солдатчина.

Человек, проведенный когда-то 8 месяцев в Алексеевском рavelине Петропавловской крепости, переживший в молодости ужас близкой насильственной смерти, прошедший затем каторгу («кандалы и полное стеснение духа»), больной падучей болезнью («...я в один из этих припадков должен ожидать, что задохнусь от горловой спазмы»), писатель, измученный требованиями своего гения («...не мог в каторге писать. А между тем... я создал там в голове большую окончательную свою повесть»), «рядовой без выслуги», страшно тяготившийся солдатчиной («...как я уставал, и чего это мне стоило...»), — этот человек вдруг стал необыкновенно счастлив: его жизнь в первый раз озарилась светом любви.

Сам он писал об этом так: «Женщина протянула мне руку... родная сестра не была бы до меня... добрее и мягче...»

«Я был счастлив»;

«Я был очень счастлив».

Женщина, протянувшая руку Достоевскому, была Мария Дмитриевна Исаева.

Астраханская уроженка, происходившая из

обеспеченной полуфранцузской семьи, Исаева состояла замужем за чиновником по особым поручениям таможни.

«В своем браке она была несчастлива,— писал в воспоминаниях П. П. Семенов (Тяньшанский). — Муж ее был недурной человек, но неисправимый алкоголик, с самыми грубыми инстинктами и проявлениями во время своей невменяемости... только заботы о своем ребенке поддерживали ее. И вдруг явился на ее горизонте человек с такими высокими качествами души, как Ф. М. Достоевский. Пениantly, как скоро они поняли друг друга».

В мае 1855 года Исаевы переехали из Семипалатинска в уездный городок Томской губернии Кузнецк, куда, как пишет Семенов, Исаева «перевели... за непригодность к исполнению служебных обязанностей в Семипалатинске».

В глухом сибирском городке Александр Иванович Исаев получил место заседателя по корчемной части.

На улице Полицейской у портного Михаила Дмитриевича Дмитриева Исаевы сняли дом, состоявший из двух маленьких комнат, коридорчика, передней и кухни. Здесь началась их новая жизнь.

Достоевского после расставания с Исаевой охватило настоящее отчаяние: «...Грусть и горе посетили меня. Я потерял то, что составляло для меня все. Сотни верст разделили нас».

4 июня 1855 года Достоевский написал первое письмо М. Д. Исаевой в Кузнецк. Первое упоминание о Кузнецке в его переписке звучало так: «Как-то вы приехали в Куз-

нецк?» И еще в том же письме: «Пишите мне чаще и больше, пишите об Кузнецке...»

С Кузнецком началась усиленная переписка, длившаяся год и восемь месяцев.

Из всей этой переписки не сохранилось ничего, кроме одного (первого) письма Достоевского к Исаевой.

Тем не менее Исаева была столь огромным событием в жизни Достоевского, так поглощала его мысли, так влияла на все, что он делал в 1855—1856 годах, что упоминания о ней и о Кузнецке не сходили со страниц его писем к другим людям (к брату Михаилу, к А. Е. Врангелю, к А. Н. Майкову, к сестре, к официальным лицам) и из этих писем, счастливо дошедших до нас, выстраивается история кузнецкой любви Достоевского, составляется трагический «кузнецкий венец».

В Барнаул, А. Е. Врангелю, 14 августа 1855 года: «...Сегодня утром получил из Кузнецка письмо. Бедный несчастный Александр Иванович Исаев скончался... Похоронили бедно, на чужие деньги (нашлись добрые люди), она же была как без памяти. Пишет, что чувствует себя очень нехорошо здоровьем... У ней ничего нет, кроме долгов в лавке... Если Вы, Александр Егорович, еще в тех мыслях, как несколько дней тому назад в Семипалатинске, то пошлите теперь, с письмом, которое я прилагаю от себя к ней, ту сумму, о которой мы говорили. Я Вам отдам непременно, но не скоро».

В Барнаул, А. Е. Врангелю, 23 августа 1855 года: «Сегодня получил от нее уже 2-е письмо, считая после смерти мужа. Она пишет, что ей страшно грустно, что кругом послал бог людей, берущих участие, что ей хоть кой-чем да помогают... спрашивает, что ей делать?»

Еще одно обстоятельство.

Она знает, что ей присланы деньги, подозревает, что от меня, но письмо лежит до сих пор на кузнецкой почте. Почтмейстер ни за что не решается отдать... Виноват адрес. Вы правы. Надо было адресовать ей. Адресовано мужу. Он умер. И потому почтмейстер (уверенный, что пишет Вы) просит передать Вам: чтобы Вы в кузнецкую почтовую контору прислали казенную или частную доверенность на

передачу письма вдове Исаевой. Ради Христа, добрейший Александр Егорович, сделайте это и, главное, не медля!»

Осенью 1855 года Достоевский, по-видимому, отправил в Кузнецк письмо, в котором просил руки Марии Дмитриевны.

Письмо утрачено.

Но это его имел в виду кузнецкий священник Евгений Тюменцев, когда в мае 1884 года писал своему адресату А. Голубеву: «Узнавши о смерти первого мужа Марии Дмитриевны, Ф. М. писал ей оттуда, прося ее согласия на замужество с ним...»

О планах на брак Достоевский в туманных выражениях писал брату Михаилу в декабре 1855 года, а 13 января 1856 года отправил ему исповедальное письмо:

«...я давно уже люблю эту женщину и знаю, что и она может любить. Жить без нее я не могу, и потому, если только обстоятельства мои переменятся хоть несколько к лучшему и положительному, я женюсь на ней... Но беда в том, что я не имею ни денег, ни общественного положения, а между тем родные зовут ее к себе, в Астрахань. Если до весны моя судьба не переменится, то она должна будет уехать в Россию. Но это только отдалит дело, а не изменит его. Мое решение принято... Ради бога, ни слова об этом сестрам: они тотчас испугаются, и начнутся советы благоразумия. А мне, без того, что теперь для меня главное в жизни, не надо будет и самой жизни».

Даже литература, к которой он был призван, которая была его любовью и мукой, временно отступила на второй план.

А. Н. Майкову, 18 января 1856 года:

«...я отложил мое главное произведение в сторону. Нужно более спокойствия духа».

Но «спокойствия духа» не предвиделось.

Не только расстояние было препятствием к вступлению в брак с Исаевой, не только «полная материальная необеспеченность обоих, граничившая с нищетой», не только нерешенная «судьба» Достоевского (вопрос о помиловании, о возможности самому «добывать себе хлеб»), — но появилось и новое обстоятельство, совсем лишившее Достоевского покоя.

А. Е. Врангелю, 23 марта 1856 года:

«Моя дама грустит, отчаивается, больна по-минутно, теряет веру в надежды мои, в устроительство судьбы нашей и, что всего хуже, окружена в своем городишке... людьми, которые смастерят что-нибудь недоброе: там есть женихи. Услужливые кумушки разрываются на части, чтоб склонить ее выйти замуж, дать слово кому-то, имени которого я еще не знаю.

...она робко спрашивает меня: что если бы нашлся человек пожилой, с добрыми качествами, служащий и обеспеченный, и если бы этот человек сделал ей предложение — что ей ответить?»

Я был поражен как громом... Никогда в жизни я не выносил такого отчаяния...

Поймите же и ее положение. Она с жадностью ждет перемены в судьбе моей, и все нет да нет ничего! Она приходит в отчаяние и, понимая, что она мать, что у ней есть ребенок, поколебалась па возможность, если мои дела не устроятся, выйти замуж... Я знаю, если бы малейшая надежда в судьбе моей — и она бы воскресла, укрепились духом»...

Борясь за эту «надежду», Достоевский написал письмо герою Севастопольской обороны Эдуарду Тотлебену, которого слегка знал по Петербургу. Достоевский просил Тотлебена замолвить слово «о бедном изгнаннике» перед «милосердным монархом» — с тем, чтоб «поступить в статскую службу» и «иметь позволение печатать».

Из расчета на «малейшую надежду» Достоевский просил денег у брата: «Мне нужно это на всякий случай (если б я получил свободу, то тотчас же полетел бы в Кузнецк, а без денег этого сделать нельзя...»).

Чтобы внушить «надежду» Марии Дмитриевне, Достоевский даже заставлял лучшего своего друга А. Е. Врангеля, переехавшего в 1856 году уже в Петербург, и любимого своего брата Михаила писать ей письма с «положительными известиями». Текст этих писем он подсказывал другу и брату, даже настойчиво диктовал.

А. Е. Врангелю, 23 марта 1856 года:

«Ради бога, не теряя времени, напишите ей в Кузнецк письмо и напишите ей ясное и точнее все надежды мои... Вот так: «Мне пере-

дал Ф. М. Ваш поклон. Так как я знаю, Вы принимаете большое участие в судьбе Ф. М., то спешу порадовать Вас, есть вот такие-то известия и надежды для него»... и т. д.»

В письме к брату от 24 марта 1856 года Достоевский просил Михаила Михайловича опекать сына Исаевой Пашу, если удастся определить того в Павловский корпус в Петербурге. И подсказывал брату, как написать об этом Марии Дмитриевне: «...я хочу просить тебя, чтоб ты написал ей в этом смысле. Именно так: Милостивая государыня Марья Дмитриевна!.. Брат уведомил меня, что Вы намерены поместить Вашего сына, когда выйдут ему лета, в Павловский корпус. Если когда-нибудь он там будет и если я хоть чем-нибудь могу облегчить одиночество ребенка на случай, если б он не имел в Петербурге ни родных, ни знакомых, то, поверьте, я сочту себя счастливейшим человеком, тем более, что хоть этим могу выказать Вам живейшую благодарность за радушный прием моего брата в Вашем доме в Семипалатинске... Позвольте пребыть и т. д. Адресовать: Ее высокоблагородию М. Дм. Исаевой, в город Кузнецк, Томской губернии».

(М. М. Достоевский выполнил просьбу брата. 18 апреля 1856 года он писал Федору Михайловичу: «М. Д. я писал уже третьего дня. Я почти слово в слово списал с твоей программы».

Мария Дмитриевна была обрадована. «Письмо твое восхитило ее», — сообщил Ф. М. Достоевский М. М. Достоевскому.)

Между тем продолжалась история с таинственным «женихом кузнецким».

А. Е. Врангелю, 13 апреля 1856 года:

«Кто-то... через кузнецких кумушек... предложил ей свою руку. Она расхохоталась и ответила кузнецкой даме-свахе, что она ни за кого не выйдет здесь и чтоб ее больше не беспокоили».

Для того чтобы «ее больше не беспокоили», Достоевский просил Врангеля посодействовать переезду Исаевой из Кузнецка в Барнаул, куда и сам рассчитывал со временем переехать и перейти в статскую службу. Такие планы были. Но Мария Дмитриевна не

соглашалась на этот переезд: «что если там примут ее как просительницу, неохотно и гордо».

Оставаться ли в Кузнецке? Или ехать в Барнаул? Или ехать к отцу в Астрахань? Или принять предложение кузнецкого жениха? Или ждать, когда поправятся дела Достоевского? Вопрос оставался для Исаевой нерешенным.

И вот тогда-то Достоевский попросил у командира батальона Белихова разрешения на поездку в Барнаул — для лечения падучей болезни. В сущности, это был способ попасть в Кузнецк. «Что я еду в Кузнецк, я не сказал Белихову, но я поеду туда хоть на несколько часов».

После долгой разлуки он наконец увидел Марию Дмитриевну Исаеву. Это было в июне 1856 года. Он видел ее два дня — «это было блаженство и мучение нестерпимые».

Произошло многое.

Он убедился, что «она любит другого», но не поверил в ее новую привязанность: «одно появление мое в Кузнецке сделало, что она почти возвратилась ко мне опять».

Ему стали известны личность и имя его кузнецкого соперника: «Его зовут Николай Борисович Вергунов. Он из Томска».

Его поразил выбор Марии Дмитриевны: «...Она готова выйти замуж... за юношу 24 лет, сибиряка, ничего не видавшего, ничего не знавшего, чуть-чуть образованного... учителя в уездной школе»...

Он представил возможный конец этой связи: «Не оставит ли он ее впоследствии... не позовет ли он ее смерти!»

Но он признал: «Ее счастье я люблю более собственного». И хлопотал за соперника, который просил у него дружбы и братства, хлопотал — с тем, чтобы перевести его из Кузнецкого уездного училища на более оплачиваемое место: «Если уж выйдет за него, то пусть бы хоть деньги были».

Впрочем, он не собирался самоустраняться. Напротив — он не позволил Марии Дмитриевне забыть себя, «эн, отсутствующий», несвободный человек, всегда присутствовал в ее жизни. Осенью 1856 года он писал своему доброму другу Врангелю: «Отношения у нас

с Нею те же». К тому времени решилась участь его судьба: «высочайшим указом Александра II он был произведен в прапорщики».

26 ноября 1856 года Достоевский вторично приехал в Кузнецк и провел в городе пять дней. Главное событие этих дней было, что Исаева сказала «Да».

«...если не помешает одно обстоятельство то я до масленицы женюсь, — сообщил Достоевский Врангелю после поездки в Кузнецк. Она сама мне сказала «Да». То, что я писала Вам об ней летом, слишком мало имело влияния на ее привязанность ко мне... Она скоро разуверила в своей новой привязанности».

Однако тот кузнецчанин, в котором «разуверила» Мария Дмитриевна и о котором сам Достоевский был невысокого мнения, теперь вдруг поднялся в его глазах: «Теперь он мне дороже брата родного».

Драма близилась к развязке.

«Да, друг мой незабвенный, судьба моя приходит к концу», — писал Достоевский Врангелю. Он готовился к свадьбе, к последней поездке в Кузнецк.

«...Надобно 100 вещей самых необходимых: Надобно повозку за ней закрытую повозку; которую повезут три лошади туда и сюда 150 верст — сочти прогоны. Надобно заплатить за свадьбу»... (М. М. Достоевскому, 22 декабря 1856 г.).

Достоевский очень спешил с устройством бракосочетания. В письмах к брату и к Врангелю он постоянно говорит о некоем «обстоятельстве», могущем помешать венчанию. Особенно сильно поспешность и волнение Достоевского обнаруживаются в письме к Врангелю, которое он написал накануне последнего путешествия в Кузнецк (25 января 1857 года): «...В воскресенье 27-го еду в Кузнецк на 15 дней. Не знаю, успею ли в такой короткий срок доехать и сделать свадьбу... рискую донельзя, но никак не могу отложить... Нет никакой возможности откладывать по некоторым обстоятельствам»...

Время, когда решалась судьба брака с М. Д. Исаевой, Достоевский назвал «самым критическим моментом всей жизни».

Как пишет кузнецкий священник Евгений

Тюменцев, Достоевский «в конце января 1837 года приезжает в Кузнецк и (1 февраля устраивает бракосочетание» (письмо к А. Голубеву от 30 мая 1884 года).

Венчание Достоевского и Исаевой состоялось в кузнецкой Одигитриевской церкви, где в честь торжественного события было дано «полное освещение» и присутствовало «лучшее кузнецкое общество».

Из свидетельства кузнецкини Т. М. Темезовой (Вал. Булгаков. «Достоевский в Кузнецке», газ. «Сибирская жизнь», № 29 от 10 октября 1904 года) известно, что Достоевский приехал в церковь в сопровождении двух шаферов, одним из которых был Вергунов. Имя Вергунова как поручателя со стороны жениха значится и в брачном документе Достоевского и Исаевой — Обыске брачном № 17.

Факт присутствия Вергунова в церкви в момент венчания, да еще в качестве поручателя, породил привлекательнейшую версию о безмолвной драме, разыгравшейся в кузнецком любовном треугольнике, а может быть, в сердце одного только Достоевского.

Такие исследователи жизни и творчества великого писателя, как Л. Гроссман и Ю. Селезнев, доказывали по косвенным источникам, что в кузнецкой церкви Достоевский пережил мучительные минуты: он ожидал или бегства невесты из-под венца, или непоправимого поступка Вергунова (увезет ее, погубит). Эта версия бессмертна, потому что она в духе Достоевского, в духе его произведений (вспомним роман «Идиот»).

Все предшествующие переживания Достоевского («Для меня все это тоска, ад», «...она погубит себя, и сердце мое замирает», «люблю ее до безумия»), все его сомнения («как знать, что случится»), вся непроясненность ответного чувства Исаевой («Но она часто в своих письмах называет меня братом»), вражда и примирение с Вергуновым, необыкновенная спешка, с которой Достоевский устроил свадьбу, — вели именно к такому трагическому финалу, вершившемуся хотя бы только в его воображении.

Впрочем, среди всех страстей, как настоящих, так и воображаемых, сопутствовавших необычному кузнецкому венчанию, было одно

тонкое обстоятельство, говорившее само за себя: Вергунов приехал в церковь вместе с Достоевским, а не с Марией Дмитриевной, именно как шафер и друг Достоевского, а не Марии Дмитриевны. Они были теперь вместе — Достоевский и Вергунов. Враги они, друзья или братья — трудно рассудить, но объединились они ради нее, «для нее одной».

Венчание в Кузнецке состоялось.

«Не пускаясь в большие подробности, скажу вообще, что все кончилось благополучно» (М. М. Достоевскому, 9 марта 1857 года).

После венчания и свадьбы Достоевский и Исаева провели в Кузнецке чуть больше недели. Они готовились к отъезду, возложили мемориальную плиту на могилу А. И. Исаева. В. Ф. Булгаков указывает в своей статье «Достоевский в Кузнецке», что писатель часто посещал венчавшего его священника о. Евгения Тюменцева, что даже прислал ему «после в подарок свою автобиографию». Видно, что это было заинтересованное общение. Вполне возможно поэтому, что именно от священника Тюменцева Достоевский услышал исключительную историю о Захарии Верховском (в пострижении — старце Зосиме), жившем в таежном скиту в сорока верстах от Кузнецка в 1818—1820 гг.

Может быть, именно сибирский Зосима стал первым прототипом знаменитого старца в «Братьях Карамазовых».

В целом пребывание Достоевского в Кузнецке было недолгим: за три приезда он провел здесь 22 дня. М. Д. Исаева прожила в Кузнецке год и девять месяцев. В середине февраля 1857 года они навсегда расстались с Кузнецком, 20 февраля 1857 года прибыли в Семипалатинск.

Брак их был несчастлив.

В 1864 году М. Д. Исаева умерла в Москве от туберкулеза. Но она не ушла из жизни бесследно: основа ее характера, сложного и противоречивого, угадывается в некоторых женских образах, выведенных Достоевским. Отголоски кузнецких событий прослеживаются в романах Достоевского «Униженные и оскорбленные», «Преступление и наказание», «Идиот».

2. «ДОМИК ДОСТОЕВСКОГО» В КУЗНЕЦКЕ

От деревянного захолустного городка Кузнецка, к которому почти два года было приковано внимание Достоевского и где более 130 лет назад он был обвенчан в местной церкви с М. Д. Исаевой, теперь почти ничего не осталось. И все же в молодом индустриальном Новокузнецке существуют небольшие островки старины.

Сохранился дом портного Дмитриева, который в 1855—1857 гг. снимала М. Д. Исаева по улице Полицейской (с 1901 года улица Достоевского).

В этом доме в мае 1980 года был открыт литературно-мемориальный музей Ф. М. Достоевского. В городе его любовно называют домиком Достоевского. Уже несколько лет домик живет типичной музейной жизнью. В его стенах звучат лекции, проводятся экскурсии. Сейчас перестраивается его основная литературная экспозиция.

154 года этому дому. История, связанная с ним, притягательна, как все, что освящено любовью. И потому с кузнецким домиком Достоевского люди связывают и свои личные сокровенные переживания: горожане, покидающие Новокузнецк, приходят сюда проститься; новокузнецчане-новички часто отсюда начинают знакомство с городом; приходят старожилы, чье детство было связано со старой городской улицей, с этими столетними домами... Приходят ветераны войны и труда.

Здесь пересекаются пути людей самого разного возраста, разных занятий и профессий. Объединяет их интерес к личности Достоевского, любовь к его творчеству.

В книге отзывов, в этой своеобразной летописи посещений музея, значатся записи на многих языках мира: английском, немецком, японском, польском, венгерском, чешском, болгарском, монгольском...

Приходя в музей, посетители часто задаются вопросами, над которыми вечно задумывается человечество. В немалой степени этому способствуют работы кемеровского художника Германа Захарова, год назад приобретенные музеем.

3. «КУЗНЕЦКИЙ ВЕНЕЦ»

Знакомясь с работами Захарова, посетители вспоминают легенды об оживающих портретах, об игре добрых и злых сил вокруг души художника, о секретах мастеров...

Музей располагает шестью работами Германа Захарова. Это «Кузнецкий венец» (оргалит, масло), «Вечный вопрос» (картон, тушь), «Бгсмертие» (картон, тушь), три графических листа «Исаева».

Центральное место среди них занимает двойной портрет Достоевского и Исаевой — «Кузнецкий венец».

При взгляде на картину в памяти сразу оживают строки из писем писателя: «связало нас страдание», «не заживает душа и не заживет никогда», «хоть бы сердце вырвать да похоронить, а с ним все!»

«Кузнецкий венец» Захарова—это трагедия, но зрителя перед картиной не оставляет ощущение света. Даже под густой тенью чувствуется настоящий свет. Художник сказал то, что хотел сказать: он считает, что за трагедией чувств, за скорбями и страстями всегда должно присутствовать светлое начало. В работе над «Кузнецким венцом» он добывал этот свет неустанно.

— Жил Достоевским. Когда выбирал композицию, работал с зеркалом: смотрел и так, и этак. Потом встретил на улице женщину — поразило лицо: Исаева! Попросил попозировать. Сделал три графических листа с натуры...

Это листы «Сцепление», «Исаева в профиль», «Понск».

«Сцепление» он построил по принципу полифоничности, столь характерному для творчества Достоевского, и решил образ Исаевой через связи и отношения с окружающими людьми. У Достоевского так же решена Настасья Филипповна в «Идиоте».

Не лицо ли это Настасья Филипповна, лицо, исполненное страдания и гордости и окруженное другими лицами, в которых запечатлены и осуждение, и злобная насмешка, и удивление, и неприятие, и опасение...

«Исаеву в профиль» Захаров, напротив, отключил от всего окружающего мира — она

совершенно одна. Это не просто отсутствие других людей — это настоящее одиночество, «когда уже некуда больше идти». Разве не оказыв глась М. Д. Исаева в безвыходном положении в Кузнецке? Разве не отчаяния погибла «в угле» у хозяйки Амалии Федоровны Катерина Ивановна Мармеладова?

И наконец графический лист «Поиск». Художник пошел по интересному пути: к Исаевой — от самой Исаевой. Он сравнивает Исаеву с ней же; исследует Исаеву рядом с Исаевой; в разных вариантах ее лица, то гордого, то задумчивого, то печального, то как будто вселенного, пытается выявить главное в ее характере.

Ведь пытался же угадать истину князь Мышки перед портретом Настасьи Филипповны: «Это гордое лицо, ужасно гордое, и вот не знаю, добра ли она? Ах, кабы добра! Все было бы спасено!»

Художник перенес «гордое лицо» на оргалит, а рядом выписал страдальческое лицо Достоевского, соединил руки героев — но рука Марии Дмитриевны лежит в ладонях Достоевского безучастно.

Не спасено ничего. Видно, что не спасено. Но внутренний свет картины подсказывает, что спасение все-таки есть: ответы «Кузнецкого венца» пробудят к жизни героинь Достоевского.

Для самого Захарова лучи, исходящие от

«Кузнецкого венца», озарили разные стороны мира великого писателя — не только трагедию чувства, но и трагедию мысли.

Лик Достоевского, изображенный в красном и черном цвете («Вечный вопрос»), искажен, кажется, самой динамикой мысли, ее ритмикой, усилиями разума разгадать природу человека, постичь устройство Вселенной.

В луче «Кузнецкого венца» рождался портрет «Бессмертие». Автор называет его «черный Достоевский».

У «черного Достоевского» — светящийся, пронизывающий, всевидящий взгляд.

«Спасибо, что я смотрел в его глаза», — написал посетитель в книге отзывов.

Лучи «Кузнецкого венца» проникают во все искусство Захарова: создавая цикл «Несыгранные роли Василия Шукшина», он изобразил Шукшина в роли Достоевского; увлекшись историей сибирской каторги и ссылки, опять же принялся рисовать Достоевского. Мотив святого и страдающего материнства и детства, берущий для Захарова начало от Достоевского, стал ведущим в его антивоенной графике последних лет.

Многое и многих объединил «Кузнецкий венец» и многое еще объединит.

Как сказано в эпилоге «Братьев Карамзевых»: «Ну, пойдёмте же! Вот мы теперь идем рука в руку, — и вечно так, всю жизнь рука в руку!»